

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

DOI: 10.31250/2618-8619-2026-1(31)-6-25

УДК 39+930.85

Андрей Владимирович Головнёв

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-5716-655X

E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru

Готторпский глобус и царская этнография

АННОТАЦИЯ. Готторпский глобус — чудо науки и техники XVII в. — стал первой в коллекции Петровской Кунсткамеры диковиной мирового уровня и задал мотив создания императорского музея как величественного храма наук; в какой-то мере «проекция Готторпа» выразилась и в архитектурном замысле Кунсткамеры. Кроме того, глобус был свидетелем и символом особого эпизода взаимоотношений России и Европы XVIII в., будучи дипломатическим даром и залогом династического альянса между российскими императорами и готторпскими герцогами, обозначаемого в европейских генеалогиях династией Гольштейн-Готторп-Романовых. Впервые знаменитый глобус рассматривается в контексте «большой игры» — международной политики, а также на фоне царской этнографии, которая, опять-таки впервые, позиционируется как особая область «монаршего народоведения». Разделы статьи — «Призрак готторпского величия», «Царские игры», «Дворцовая этнография камер-юнкера Берхгольца», «Готторпские странники» — обозначают основные повороты судеб и моменты схождения путей главных фигурантов — готторпских герцогов и глобуса. Сопоставление обычно рассматриваемых порознь данных истории, этнографии и музеологии открывает алгоритм игры-стратегии «в Европу» Петра I как «ученичество во имя превосходства», роль придворных маскарадов и иных обрядов в этнокультурном пространстве царя и его двора, а также существенное значение «этничности» (приверженности родовым гнездам и традициям) в стратегиях монархов России и Европы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Готторпский глобус, Кунсткамера, царская этнография, Россия, Европа, Петербург, Готторп

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Головнёв А. В. Готторпский глобус и царская этнография. *Кунсткамера*. 2026. 1 (31): 6–25. DOI: 10.31250/2618-8619-2026-1(31)-6-25

MUSEUM STUDIES

Andrei Golovnev

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5716-655X
E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru

The Gottorp Globe and Royal Ethnography

ABSTRACT. The Gottorp Globe, a marvel of 17th-century science and technology, became the first world-class curiosity in the collection of the tsar Peter's Kunstkamera and set the tone for the creation of the imperial museum as a majestic temple of knowledge. To some extent, the "Gottorp projection" was also expressed in the architectural design of the Kunstkamera. Moreover, the globe witnessed and conveyed the history and diplomacy of Russia and Europe in the 18th century, serving as a "diplomatic gift" and a pledge of the dynastic alliance between the Russian emperors and the Gottorp dukes, designated in European genealogies as the Holstein-Gottorp-Romanow dynasty. For the first time, the famous globe is examined in the context of the "great game" — international politics — and against the backdrop of "royal ethnography", which, also for the first time, is positioned as a distinct field of "royal ethnography". The paper's sections — "The Ghost of Gottorp Grandeur", "Tsar's Games", "The Palace Ethnography by Chamberlain Bergholtz", and "Gottorp Wanderers" — delineate the key turns in the destinies and convergence of the paths of the main protagonists — the Gottorp dukes and the globe. A comparison of historical, ethnographic, and museological data, usually considered separately, reveals the algorithms of Peter the Great's strategy game "to Europe" as an "apprenticeship in the name of superiority", the role of court masquerades and other rituals in the ethnocultural space of the tsar and his court, and the essential significance of "ethnicity" (commitment to family roots and traditions) in the strategies of Russian and European monarchs.

KEYWORDS: Gottorp Globe, Kunstkamera, royal ethnography, Russia, Europe, Petersburg, Gottorp

FOR CITATION: Golovnev A. The Gottorp Globe and Royal Ethnography. *Kunstkamera*. 2026. 1 (31): 6–25. (In Russian). DOI: 10.31250/2618-8619-2026-1(31)-6-25

Чудо науки и техники XVII в. — Готторпский глобус — главный трофей Северной войны и символ победы России. В 1713 г., когда Полтавская баталия была уже позади и исход дуэли Петра I и Карла XII предрешен, в Петербург в качестве дипломатического дара был отправлен чудо-глобус (рис. 1–5, см. вклейку), а также библиотека Готторпского замка.

Готторпский глобус стал первой в коллекции Петра диковиной мирового уровня и задал мотив создания Кунсткамеры как величественного храма наук: он достался России в 1713 г., а через год, в 1714-м, Кунсткамера впервые была упомянута; он прибыл в Петербург в 1717 г., а год спустя, в 1718-м, началось проектирование музея. В какой-то мере «проекция Готторпа» выразилась и в общем архитектурном замысле здания Кунсткамеры: в основании башни (на первом этаже) архитектор Г. Маттарнови планировал разместить Готторпский глобус, а по сторонам, в примыкающих к башне палатах-крыльях, — редкости музея и книги библиотеки.

Обычно знаменитый глобус рассматривается с музейной точки зрения — как экспонат Кунсткамеры (см.: Карпеев 2003). Я позволю себе несколько иной взгляд — с позиции царской этнографии и теории игр, вернее, в ракурсе «большой игры» — международной и династической политики Европы и России XVIII в.

ПРИЗРАК ГОТТОРПСКОГО ВЕЛИЧИЯ

Готторпский замок расположен в городе Шлезвиг, у границы герцогств Шлезвиг и Гольштейн (Гольштиния), на юге Ютландии. С доисторических времен здесь сходились пути между Балтийским и Северным морями, между континентальной Европой и западной Скандинавией. В раннем средневековье на этом стратегическом перекрестке жили англ и юты, позднее процветала торговая столица викингов Хедебю, а вокруг на пограничье соседствовали даны, саксы, туски (немцы), фризы. Здесь громил саксов Карл Великий, а датский король Годфред возводил вал Даневирке для обороны от франков. Словом, развернувшиеся на этом перекрестке в годы Северной войны сражения можно считать давней традицией, как и путаницу в правах и претензиях сопричастных правящих династий.

В разные времена Шлезвиг-Гольштейн был яблоком раздора между Данией, Германией (Священной Римской империей германской нации), Швецией, Англией, Голландией, а с XVIII в. еще и Россией. Разделенное рекой Айдер на области преимущественно датского (Шлезвиг) и германского (Гольштейн) влияния, герцогство обладало живой внутренней коммуникацией под эгидой единого сейма. Пик его самоопределения пришелся на правление готторпского герцога Фридриха III (1616–1659), сумевшего в ходе Тридцатилетней войны объединить под своей властью Шлезвиг и Гольштейн. Этот успех побудил герцога создать, в соавторстве с выдающимся астрономом-географом Адамом Олеарием, символ своего геополитического величия — самый большой в мире (диаметром свыше трех метров) глобус. Олеарий проявил себя и в роли дипломата в нарождающемся диалоге Готторпа и Москвы: четырежды, в 1634, 1636, 1639 и 1643 гг., он посетил Московию в составе посольства Фридриха III к царю Алексею Михайловичу, а также в 1638 г. побывал в Персии, где услышал вдохновившее его предание о большом Felek — вероятно, том самом стеклянном глобусе, о котором писал в энциклопедии «О тонкости сущностей» (1550) итальянский математик и астроном Джероламо Кардано:

Sapor Rex Persarum machinam tam grandem e vitro construi fecit, ut in ejus centro sederet, tanquam in terrae sphaerula, spectans sub pedibus etiam astra, exorientiaque ac occidentia sidera, ut sic mortalis cum esset, supra tamen omnem mortalitatis conditionem esse videretur¹.

¹ Царь персов Сапор приказал построить из стекла такую огромную машину, чтобы он мог восседать в ее центре, словно в маленьком земном шаре, созерцать звезды под ногами, восходящие и заходящие созвездия, чтобы, несмотря на свою смертность, он казался выше всех проявлений смертности.

Этой ссылкой Олеарий предваряет главное известие — о «другом, гораздо более ценном глобусе, именно о двойном глобусе, который устроен по приказанию его княжеской светлости герцога Фридриха Шлезвиг-Голштинского, милостивейшего моего государя, здесь, в столице его (Готторфе)»; в этом глобусе «могут поместиться 10 человек, севши около круглого стола», и видеть движущиеся созвездия и светила, а снаружи — земной шар «со всеми его странами, городами, реками и морями» (Подробное описание... 1870: 827–828).

Интонации Олеария феноменологически важны для осмысления места Готторпского глобуса в царской этнографии. Для этого необходимо связать по меньшей мере три измерения: величие, владение и бессмертие. В цитируемых фрагментах текста они представлены разрозненно, но именно в их созвучии проступают контуры королевского мировидения: величие готторпского государя открыло ему путь к овладению земным пространством с проекцией на космос бессмертия. В тот момент, когда герцог Фридрих объединил вечно разрозненные земли Ютландии, ему понадобился символ-механизм мироздания (им стал чудо-глобус неба-земли), а также мудрец-изобретатель (Олеарий) и мастер-изготовитель (оружейник Андреас Буш), способные осуществить замысел. При этом герцог Фридрих не зря считается соавтором глобуса — только успешный и амбициозный правитель мог позволить себе подобную земно-космическую дерзость.

Сегодня, четыре века спустя, чудо-глобус видится если не ординарным явлением, то в ряду «великих примечательностей мира», как он значился в пятитомнике, изданном в Гамбурге в 1683–1691 гг. (Карпеев 2003: 26). При этом обычно речь идет о его размерах и механике, сочетании сфер земли (снаружи) и неба (внутри), его научной значимости для географии и астрономии. Восторг вызывают детали этого *Theatrum mundi* (театра мира), с прикрепленным к оси столом, стоящим на нем позолоченным земным глобусом и кольцом горизонта, на котором выгравированы города и страны с указанием их долготы. Ощущение космического аппарата усиливает концентрично вращающееся кольцо, отображающее противоположные точки полудня и полуночи. На верхней грани круглой скамьи выгравированы дни и месяцы, церковные праздники, юлианский и григорианский календари, градусная шкала с названиями и символами знаков зодиака, а также указания солнечного склонения (Oestmann 1999: 41–42). Иными словами, глобус — мировой календарь, часы и модель мира в двух измерениях, земном и небесном. Эти характеристики уносят глобус в эмпирию глобальных теорий, ставя Олеария в ряд вселенских мыслителей. Действительно, он был задуман как чудо, и мы сейчас следуем заданному конструкторами «вектору удивления». Однако пора сменить оптику и посмотреть на глобус взглядом антрополога-этнографа, замечая опорные идеи и их монтаж.

Во-первых, глобус уникален не столько как самый большой в мире, сколько как космический аппарат — астрономический шар для полетов в космос, пусть в виде аттракциона (кстати, построенное для глобуса здание называлось *Lusthaus* — ‘Дом удовольствий’), но на фундаментальных научных основаниях. Прошу читателя мысленно перенестись в XVII в. и представить себе человека, не молящегося в храме, а отправляющегося в космический полет. А затем, уже с позиции посетителя Дома удовольствий, отдать должное смелости мысли конструкторов этого театра мироздания. Итак, первая опорная идея — создание ауры «соседства с Богом».

Во-вторых, полет в космос начинается со входа в глобус через люк, который открывается, впуская посетителя внутрь, и закрывается, погружая его в бесконечность плывущего перед глазами звездного неба. Внимание: на поверхности люка изображен герб герцога Готторпа. Обычно эта «дверь» упоминается в связи с тем, что она — единственная деталь глобуса, не тронутая пожаром 1747 г. (рис. 2, см. вклейку). Однако сейчас важнее увидеть в ней символ величия Готторпа как входа во Вселенную, земного окна в космос. Мне рисуется мизансцена: Фридрих III в беседе с Олеарием подбирает слова для выражения пафосной мысли, что готторпский герб — пуп Земли и ключ к Галактике. В то время подобные притязания со стороны владельца небольшого герцогства не казались безумием: совсем недавно «падчерица Европы» Лузитания (Португалия) с легкой руки принца Энрике (Генриха Мореплавателя) превратилась из провинциального графства в первую

мировую империю; Англия из вечно колонизируемой (римлянами, англами, саксами, викингами, нормандцами) окраины мира стараниями отважных пиратов (Френсиса Дрейка и других) стала мировой метрополией; крошечный Ватикан по Божьему велению и своему разумению раздавал права на континенты и океаны — например, папскими буллами 1481 и 1506 гг. (подробнее: Головнёв 2015: 120–163). Не исключено, что подобные горизонты открывал для себя и Фридрих III в 1621 г., строя на атлантическом побережье город-порт Фридрихштадт.

В-третьих, роль Олеария в судьбе Готторпского глобуса не ограничивается идеями и изобретениями. Он проложил дипломатический путь от Готторпа до Москвы и едва не стал придворным астрономом царя Алексея Михайловича, проникшегося к нему симпатией и дважды зазывавшего его на службу (Олеарий уклонился, увидев отношение москвитов к астрономам как к колдунам). Еще одной исторической мизансценой мне представляется рассказ вернувшегося из восточных странствий Олеария Фридриху III об огромной Московии и диковинной Персии. Будто предвидя династический альянс Голштинии и Московии, он подробно и придирчиво повествует о нравах москвитов, которые не любят ни «высших знаний, ни свободных искусств», «питают величайшее отвращение» к «анатомированию тела человеческого или деланию скелетов», зато «придают большое значение длинным, окладистым бородам и толстым брюхам», а своего царя считают превосходящим прочих государей «по богатству, могуществу и величию» (Подробное описание... 1870: 159, 165–172). Кроме того, путешествия на Восток дали возможность Олеарию нанести на Готторпский глобус выверенные им контуры России XVII в.

На языке астрологии, в середине XVII в. в Готторпе случилось «схождение звезд» — воли государя и знаний ученого, теории и практики, фантазии и инженерии. Однако, как нередко бывает, звездный час оказался мимолетным. Работы над глобусом (1651–1657) подходили к концу, когда обострился «готторпский синдром» — клубок противоречий и претензий, который временно смог распутать герцог Фридрих, но впредь ему суждено было перейти в хроническую фазу.

Оружейному мастеру Бушу оставалось лишь установить мельничное колесо и подвести к глобусу водный привод — для вращения вокруг оси с полным оборотом за сутки. Но грянула очередная датско-шведская война, которая похоронила мечту Фридриха, а самого герцога унесла прочь от родового замка, в крепость Тённинг, где, осажденный датчанами, он в 1658 г. встретил свою смерть. В 1671 г. ушел из жизни Олеарий, так и не доделав в Доме удовольствий водный привод; впрочем, для самоутраченности он уверял, что глобус можно вращать и вручную — «одним пальцем с помощью Архимедова винта» (Карпеев 2003: 26).

Сын и наследник Фридриха, герцог Христиан Альбрехт, по матери состоял в родстве с курфюрстом Саксонии, а по жене — с королем Дании. При этом он предпочитал связи с королевским домом Швеции, и нетрудно представить, как ему жилось в лихорадке бесконечных датско-шведских войн: в 1675 и 1683 гг. датчане изгоняли его из Голштинии, и он полтора десятка лет ютился в Гамбурге.

Мать наследника Христиана, герцога Фридриха IV, была дочерью датского короля, а жена — шведского. Подобно отцу, он тяготел к Швеции, водил дружбу со своим кузеном (по матери) Карлом XII, который, разгромив датчан, вернул Голштинию Фридриху. В свою очередь, герцог служил в шведской армии генералом кавалерии и погиб, сражаясь на стороне шведов при Клишове в 1702 г.

Наследнику Фридриха IV, герцогу Карлу Фридриху, было в ту пору два года. Потеряв отца, он вырос в тревогах Северной войны под опекой матери, шведской принцессы, и, естественно, сохранил наследственное тяготение к Швеции. Между тем родовые владения юного герцога находились под пятой датчан, которые в 1712 г. отбили Шлезвиг, а Голштинию использовали под зимние квартиры для своих войск. В 1713 г., когда к Готторпу подошло русское войско, 13-летний герцог вместе с матерью находился в Швеции. Делами Готторпского замка ведал его дядя по отцу, епископ-администратор Христиан Август. На его долю выпала непростая дипломатия, в том числе прием в Готторпе союзных монархов — датского короля Фредерика и русского царя Петра, а также умиловление последнего дарами, включая знаменитый глобус и герцогскую библио-

теку. По оценке современников, в этой дипломатии деятельное участие принял король Дании Фредерик IV: «Полтава и отсутствие самого Карла XII... привели... к падению племянника шведского короля, герцога Голштинского, каковой был лишен всех своих владений королем датским» (Вольтер 1999: 221).

«Глобус величия» (каким его задумал Фридрих III) стал «глобусом раздора». Отправившись в Петербург, он прочертил траекторию, по которой вскоре проследовал сам герцог Карл Фридрих. Впрочем, детская игра в космос для него уже сменилась взрослой «игрой престолов», в которой Готторп был не то козырем, не то джокером: Карл Фридрих был племянником бездетного Карла XII и, соответственно, наследником шведской короны. Открылась и перспектива альянса с русским царем, получившим в залог символический дар — готторпский «ключ к мирозданию».

ЦАРСКИЕ ИГРЫ

У монарших игр, в отличие от прочих, есть свойства государственных стратегий. Хорошо известны переросшие во взрослые расправы детские забавы Ивана IV, скрепившие империю потешные полки и флотилии Петра I, обернувшиеся неудачей увлечения голштинскими солдатами Петра III. Впрочем, игры бывают не только детскими, но и взрослыми, и не только забавными, но и серьезными. Теоретик игр Йохан Хёйзинга полагал, что «человеческая культура возникает и развертывается в игре», а XVIII в. был особенно насыщен «игровыми и игристыми элементами»; этот век не случайно называют «эпохой париков» (к тому же обильно припудренных): «Искусство управления государством: политика кабинетов, политические интриги и авантюры — воистину никогда еще не было такой степени игрой», как в XVIII столетии (Хёйзинга 1992: 7, 197, 207, 210).

Русский царь начал игру «в Европу» (вернее, с Европой) накануне XVIII в., в ходе Великого посольства 1697–1698 гг. Петр отправился в путешествие инкогнито и рядился то в бомбардира (Михайлова), то в шкипера. При этом он вошел в роль усердного ученика, стремился овладеть всеми подряд науками и техническими (особенно морскими и военными) достижениями; на его кольце красовалась надпись: «Аз бо есмь в чину учимыхъ и учащи мя требую». При этом, в отличие от ученых, которые служат наукам, он считал, что науки служат царю. Петр не просто овладевал знаниями, но и по-своему подчинял их, приобретая (скупая, нанимая) науки вместе с их носителями — книгами, приборами, учеными. Ему удалось своей волей совершить «научную революцию» в России, прежде не знавшей рациональных наук (Головнёв 2024а).

Петра принято считать подражателем Европе, и небезосновательно: в его действиях немало «европейничанья», от языка и табака до нарядов и обрядов. Однако правильнее видеть в них не самоцель, а механизм игры, которая по определению основана на подражании/имитации. В этом ракурсе «европейничанье» Петра приобретает смысл «большой игры». Как и в случае с науками, правила игры определялись по-царски — через приобщение с последующим покорением. Петр добывал (покупал, завоевывал, захватывал) европейские достижения и приживлял их на российской почве так же, как он поступал с саженцами растений, заводя аптекарские и ботанические сады. Царь стремился к европеизации своей страны, но по сценарию достижения превосходства. Петр копировал Европу для победы над ней. И если на первых порах шла европеизация России, то вскоре началась встречная «петровизация» Европы. Ее знаками были военные успехи русских войск в продвижении до Голштинии и Швеции, обескураживший Европу контроль новорожденного русского флота над Балтикой, а также европейская матримониальная политика Петра, начиная с женитьбы сына Алексея на принцессе Шарлотте Брауншвейг-Вольфенбюттельской в Торгау 13 октября 1711 г.

Европейцы осознали этот сдвиг, когда Петр явился к ним во второй раз, двадцать лет спустя, в 1716–1717 гг., посетив Данциг, Гамбург, Пирмонт, Росток, Копенгаген, Бремен, Амерсфорт, Утрехт, Амстердам, Саардам, Спа, Гаагу, Лейден, Роттердам, Париж. Эта поездка была очередным раундом игры «в Европу», но на сей раз русский царь предстал в роли не ученика-инкогнито,

а вершителя судеб, за спиной которого маячила победоносная армия. Он по-прежнему выступал добытчиком и оптовым скупщиком европейских знаний и технологий, но уже с высоты своего роста: балтийские города он объезжал с эскадрой кораблей; польского короля Августа смущал своевольными фейерверками и парадами; на свадьбе своей племянницы Екатерины с герцогом Карлом Леопольдом Мекленбург-Шверинским вел себя как сюзерен. Ярким, хотя и мимолетным, эпизодом «петровизации» Европы была реакция парижской моды, отозвавшейся на визит Петра в 1717 г. стилем «царской брутальности» — *habit du Tzar ou du Farouche* (букв. ‘одеяние царя или дикаря’) (Головнёв 2024b; 2024с).

Между первым и вторым европейскими гранд-турами русский царь не сидел сложа руки: в ходе Северной войны он дошел с армией до атлантического побережья Ютландии, куда ни до, ни после него не ступала нога русского полководца. Здесь царя ждала чисто европейская интрига — «игра престолов», знаковую роль в которой сыграли готторпские дипломатические дары, или трофеи (мы возвращаемся к истории глобуса, но уже с русской стороны).

Новый 1713 год царь Петр встретил в Ганноверском курфюршестве, по пути в Гамбург, следуя за отступавшей в Голштинию шведской армией фельдмаршала Магнуса Стенбока. Вскоре союзное датско-русско-саксонское войско во главе с князем Александром Меншиковым осадило Стенбока в Тенингене. Петр прибыл в расположение русских войск и 6 февраля 1713 г. в замке Готторп встретился с королем Дании Фредериком IV. В те же февральские дни Петр вел переговоры с администратором Готторпа Христианом Августом, который показал ему чудо науки — Готторпский глобус. 14 февраля царь отбыл из Фридрихштадта в Ганновер, оставив Меншикову инструкцию, в которой военные цели и трофеи перечислялись общим списком: (1) принудить неприятеля (шведскую армию Стенбока) к капитуляции; (2) брать с союзных (датских и саксонских) генералов письменные «советы» (согласования) относительно намечаемых военных действий; (3) русской армии действовать на опережение (в том числе при бомбардировке крепости Тенинген), дабы первенствовать при заключении «генерального мира»; (4) с союзным датским двором вести осмотрительную дипломатию; (5) «ежели даст бог доброе окончание с неприятелем, то библиотеку выпросить конечно всю из Шлезвига, также и иных вещей, осмотря самому с Брюсом, а особливо глобус» (Соловьев 1993: 13).

«Выпросить» глобус и библиотеку Меншикову, как известно, удалось. С разной долей успеха выполнил он и остальные установки Петра. Руководитель Кунсткамеры в 1982–1990 гг. Рудольф Итс по-писательски размашисто представил эпизод с глобусом:

Опекун малолетнего герцога принимал в замке русского царя и его офицеров... Зная об интересе Петра к редкостям, опекун (герцога) предложил осмотреть коллекции замка... В одном из помещений замка внимание Петра привлек огромный глобус, диаметром 3,11 метра. Готторпский глобус — чудо XVII века, один из первых планетариев мира и невиданная по размерам копия Земли с известными к тому времени морями и странами. Петр остановился и стал внимательно разглядывать глобус. Снаружи он был оклеен бумагой. На ней нарисованы контуры и очертания земли. Внутри шар представлял собой небесный купол багряного цвета с медными звездами. Петр похлопал рукой по шару и медленно произнес:

— Изрядно же.

Опекун улыбнулся:

— Ваше величество, это самая большая драгоценность нашего замка, шар сработал еще в тысяча шестьсот сорок четвертом году наш голштинский мастер Андрей Буш. Пойдем внутрь диковинки. Опекун открыл небольшую дверь с герцогским гербом и первым вошел внутрь. В полумраке можно было различить круглый столик, через центр которого проходила ось шара, а вокруг столика скамейка на 10–12 человек. На нем — маленький медный глобус с выгравированными изображениями материков. Петр сел на скамейку. Зажгли светильники. Над головой и под ногами заблестели звезды багряного неба. Опекун подал знак. Небо стало вращаться, повторяя движение

истинной небесной сферы. Не смолкали возгласы удивления. Петр долго рассматривал глобус и его хитроумное устройство, которое заставляло шар вращаться.

Через несколько дней русские войска уходили из Тенингена. Их провожали все жители. Петр покидал замок. Его сопровождали опекун и многочисленная свита герцога. Сам герцог был болен. Во время прощания опекун передал слова герцога, что в знак благодарности за спасение города шлезвиг-голлштинцы дарят русскому царю глобус, так поразивший Петра (Итс 1980: 13–15).

Энгель Карпеев, лучший знаток истории Готторпского глобуса, акцентирует внимание на законности акта его передачи/приобретения, называя ответственным лицом епископа-администратора Христиана Августа, рукой которого подписан ордер на передачу глобуса лейтенанту Травину от 10 июля 1713 г. со ссылкой на его «преподнесение» русскому царю. При этом запрос царя выглядит не требованием, а просьбой, с комментарием: «Петра I интересовали только те вещи, которые должны были служить насаждению наук в России, он не искал в Готторпе никаких других материальных приобретений» (Карпеев 2003: 29–33).

О готторпских сюжетах и трофеях обычно пишут раздельно: в одном тоне — о политике, в другом — о библиотеке, в третьем — о музее. Между тем для Петра они были связаны местом, временем и умонастроением. Стало быть, и толковать их следует в единстве — тем и отличается царская этнография от крестьянской, что в ней картина мира рисуется с высоты трона, и это державное «народоведение» (или народоведение) предполагает кругозор без границ, включая политику и войну.

На мой взгляд, щедрость епископа-администратора, распорядившегося передать Петру глобус и библиотеку, объясняется не благодарностью за «спасение» Тенингена и не робостью пред грозным русским царем, а рациональным расчетом, к тому же постатейно согласованным на переговорах. В «Деяниях Петра» эти события — приобретение глобуса и дипломатия — описаны порознь, но по общему контексту они совместимы. В одном месте, под 1713 г., «Деяния» повествуют о поездке Петра в Шлезвиг:

...великий государь, осматривая все, достойное примечания, поразился, так сказать, увидев чрезвычайной величины глобус, сработанный по коперниковой системе Адамом Бушем под присмотром славного Адама Олеария; на поверхности оного изображен весь шар земноводный, а внутри светила небесные обоих полушарий, с прибитыми золотыми звездочками, наиточнейше представленными по их различной величине. Для рассматривания сего глобуса входят внутрь оного по лестнице о нескольких ступенях, где около круглого стола приделаны скамейки для 12 человек, и рукоятка, коею, с помощью Архимедова винта, легко глобус приводится в движение около своей оси, и таким образом, и неподвижно сидя, можно видеть все светила, около себя обращающиеся. Монарх, рассматривая все сие, пленился оным. Правитель Голстинии и опекун молодого герцога, удостоившегося потом быть его величества зятем, приметя сие, просил государя принять оный как малейший подарок от всей Голстинии. Его величество благодарил правителя с таким выражением, что все владение не могло бы выдумать приятнейшего для него подарка. Тотчас монарх повелел сей глобус, какового в величине и искусстве подобного нигде не было, перенести на корабль и под начальством надежного флотского офицера отправить в Ревель, откуда следующей зимою перевезен он был сухим путем в Петербург (Голиков 1838 Т. 5: 128–129).

В другой части «Деяний», под 1714 г., речь заходит о верности Петра союзническим обязательствам, в обоснование чего приводится запись его ранее (в 1713 г.) состоявшихся переговоров с епископом-администратором. Судя по всему, они напрямую связаны с «готторпскими дарами». Для наглядности я помещаю выдержки из «протокола» 1713 г. в две колонки: слева — предложение готторпского администратора, справа — ответы русского царя с некоторыми сокращениями (Голиков 1838 Т. 5: 212–214).

Христиан Август	Петр I
...чтоб его царское величество гарантировал, дабы Тонингская крепость не была разорена и доставлена во владение Голстинии и более бы за корону датскую не вступался.	О Тонинге, чтоб не был разорен, ко двору датскому писано; а чтоб гарантиовать и за своего союзника не вступаться, того не возможно...
Чтоб его царское величество обещать изволил, когда корона шведская будет праздна, его светлости молодому князю голстинскому в наследии оною не только не препятствовать, но и вспоможение учинить.	В сем не отрицаемся и чаем, что и союзникам нашим сие противно не будет; только надлежит ведать намерение короля прусского в том, без которого ни во что вступать невозможно.
Ежели король шведский возвратится в свое государство и чрез посредство других держав мир учинится, то чтоб обещал царское величество, дабы чего из завоеванного им у Швеции удержать за собою не может, и за короною то не останется, то б никому иному, как только молодому голстинскому князю оное во владение доставить.	Будем стараться, чтоб Финляндию сему принцу получить...
Ежели король шведский останется без наследия, то чтоб обещал царское величество и в том обязался с княжим домом, когда король шведский без наследия умрет, восставить его на престол шведский.	О восстановлении молодого принца на престол шведский уже объявлено во 2 пункте; а чтоб заранее о том какой договор учинить, кажется неприлично: понеже король ради молодости своей еще от натуральной смерти далек.
Ежели молодой голстинский князь к короне шведской достигнет, то чтоб царское величество обещал тогда и княжие наследственные земли к короне шведской присовокупить...	Сей пункт есть зело деликатный (к тому ж и король шведский еще жив)...

Далее епископ-администратор излагает встречные обязательства, в том числе обещает «за себя и за своего племянника князя» (готторпского принца Карла Филиппа):

Христиан Август	Петр I
...с его величеством молодой князь иметь будет непременно дружбу и вечный союз учинит, и оное чрез супружество с его царского величества старшею принцессою ее высочеством утвердить.	За первое благодарствуем; что же надлежит о супружестве, и то до возраста отложить, ибо хотя (я) и отец, однако ж без воли ее того учинить не можно.

Очевидно, переговоры состоялись во время пребывания Петра в Голстинии до взятия Тенингена, в ходе встречи с епископом-администратором, сопровождавшейся показом царю глобуса. В их содержательной части примечательно небрежение администратора как к королю Дании (которого он стремится оттеснить от готторпских владений и лишить альянса с русскими), так и к королю Швеции (которого он несколько раз представляет «без короны» и «без наследия») — в пользу 13-летнего готторпского принца на основании прочного союза с русским царем. Далее в перечне обязательств готторпской стороны Христиан Август предлагает сговор на брак готторпского принца и русской царевны, на что, как и в других случаях, Петр отвечает уклончиво, со ссылкой на малолетство предполагаемых супругов.

В обобщенном виде предложения Христиана Августа складываются в рискованный, почти авантюрный замысел: под грохот датско-шведской войны готторпский принц в союзе с русским царем занимает престол Швеции и отнимает владения Дании. В случае удачи Европа приобретает новый геополитический дизайн с выразительной доминантой готторпско-русско-шведского альянса, скрепленного браком принца и царевны. Залогом этой грандиозной игры оказывается

судьба юного принца, а также главное чудо Готторпа — глобус, который предстает уже не даром и трофеем, а символом союза династий Готторпа и России. Не всему в этом замысле суждено было сбыться, но, как заметил Вольтер (в амплуа биографа Карла XII и Петра I), «когда раскрывается заговор простых людей, он уничтожается, но заговор королей получает от сего лишь новую силу» (Вольтер 1999: 245).

Не исключено, что уже тогда, зимой 1713 г., в подготовке брачного сговора участвовал выдающийся авантюрист своего времени барон Георг фон Гёрц, уроженец Гольштейна, а затем всесильный фаворит вернувшегося из турецкого полуплена Карла XII. Вероятно, именно Гёрц склонил несгибаемого шведского короля к размышлениям о готторпско-шведско-русском альянсе. К исходу Северной войны, когда Карл XII вернулся из Турции, Петр провел с Гёрцем тайные переговоры о союзе для переустройства Европы. Непреклонный Карл в какой-то мере смирился с победами России, и мало-помалу между ним и Петром зародилось нечто похожее на взаимную симпатию, особенно на фоне раздражавшего Карла снобизма Фредерика IV. Во всяком случае шведский король первым делом двинулся воевать не с Россией, а с Данией.

Не случись нелепой гибели шведского короля 11 декабря 1718 г. под Фридрихсхаллем, он отнял бы у Дании Норвегию, вернул бы племяннику Голштинию, а затем, как обсуждалось на тайных переговорах, перекроил бы карту Северной Европы изъятием ряда владений у британского короля Георга, польского короля Августа и прусского короля Фридриха Вильгельма — в качестве компенсации за отходившие Петру балтийские земли. Далее мерещилось приобретение (путем покупки) Петром I Голштинии, а затем избрание его императором Священной Римской империи германской нации (подробнее см.: Вольтер 1999: 248). Однако все эти грезы перечеркнула шальная карточка, угодившая Карлу в висок; впрочем, план брака готторпского принца и русской царевны никто не отменял (хотя главный сводник, барон Гёрц, был казнен).

По окончании войны Петр счел себя не только победителем, но и преемником Карла в части как европейских владений (Ингрии, Лифляндии, Ливонии, Карелии, Финляндии), так и заморских колоний (американского Делавэра, африканского Мадагаскара), и после Ништадтского мира направил экспедиции к берегам Америки (В. Беринга) и Африки (Д. Вильстера). Петр представлял себя наследником Карла XII и в части военной мощи, и в великодержавии. В отношении Швеции он применил свой принцип «ученичества во имя превосходства», перенимая у шведов морское дело, военное искусство, инженерию фортификаций и искренне благодаря их за уроки (достаточно вспомнить его тост в честь шведских генералов после Полтавской битвы и слезы по погибшему королю: «Ах, брат Карл! Как мне тебя жаль!»).

Глобус после долгих трех лет переезда прибыл в Петербург в марте 1717 г. и был укрыт в пустовавшем слоновнике на Большом лугу. По возвращении из европейского турне в 1717 г. «немедленно пошел он [царь] туда, где оной стоял, приказал построить для него особливую палату подле летнего дворца, и почти всякий день, часто по целому часу, занимался рассматриванием оного» (Штелин 1788: 349). В тот момент Готторпский глобус был наглядным пособием не только для обзора театра военных действий, но и для размышлений о переустройстве Европы.

Однако события разворачивались не по «готторпскому сценарию». После гибели Карла XII шведский престол, вопреки чаяниям «голштинской партии» (*Holsteinska partiet*), в 1719 г. достался младшей сестре короля Ульрике Элеоноре, а в 1720 г. она передала корону (по избранию) своему мужу, принцу Фридриху Гессен-Кассельскому, принявшему имя короля Фредрика I. В том же 1720 г. шведский Фредрик I и датский Фредерик IV заключили Фредериксборгский мир, по которому Шлезвиг и Голштиния отошли Дании.

Повзрослевший 20-летний готторпский герцог Карл Фридрих по-прежнему находился в Стокгольме, когда одна за другой рухнули его надежды на престол Швеции и возвращение Готторпа. По совету министра Бассевича он отказался признать Фредериксборгский мир и в 1721 г. переехал из Стокгольма в Петербург, где его ждала последняя надежда — нареченная в жены царевна Анна.

ДВОРЦОВАЯ ЭТНОГРАФИЯ КАМЕР-ЮНКЕРА БЕРХГОЛЬЦА

Сюжеты царской этнографии можно отыскать в дневниках монархов (кто их вел, подобно Николаю II) и записках придворных, хотя их наблюдения точнее называть не царскими, а дворцовыми. В начале XVIII в. этнографии как науки еще не было, но обстоятельные описания великосветской (дворцовой) жизни уже существовали; более того, с них и началось живописание повседневности. Мы привыкли считать, что первыми в народоведении были ученые и путешественники, начиная с Герарда Миллера, Иоганна Фишера, Степана Крашенинникова, Петра Палласа, Иоганна Георги, Ивана Лепехина. Вынужден вас огорчить, дорогие коллеги: царедворцы раньше нас преуспели в детальных описаниях и семантических интерпретациях.

Примером дворцовой этнографии, напрямую связанной с нашим сюжетом, служат дневники, которые вел в годы пребывания в России (1721–1725) голштинский камер-юнкер Фридрих Вильгельм фон Берхгольц, состоявший в свите голштейн-готторпского герцога Карла Фридриха — того самого, с молчаливого согласия которого Готторпский глобус переехал из Шлезвига в Петербург. Камер-юнкер, будучи ревностным поборником интересов своего патрона (которого он неизменно называет «королевским высочеством»), впечатляет скрупулезностью ежедневных описаний, причем редкий день обходится краткой записью вроде «не случилось ничего особенного». Детализация порождает, помимо прочего, мысль о том, что мы сегодня утратили феноменальную зрительную память и нюансные знания манер, одеяний, украшений, блюд, обрядовых жестов, которые позволяли людям прошлых веков общаться изобразительными средствами, мыслить околотеатральным языком движений, мимики, нарядов. Берхгольц поражает вниманием к деталям, причем по его запискам видно, что они были общим достоянием двора. Для начала приведу пример подобной «визуальной культуры».

18 мая 1721 г. на поле близ Петербурга проходил смотр шести полков. После того как отгремели взрывы гранат и салюты, царские особы удалились в палатку князя Репнина, где был приготовлен стол (без скатерти) с холодными кушаньями. Между только что приехавшим в Россию герцогом Карлом Фридрихом и царицей Екатериной завязалась непринужденная беседа.

Царица в палатке заметила герцогу, что кафтан на его величестве царе шведского, или синего, цвета, а на его высочестве — зеленого, или русского, на что его высочество отвечал, что надеется, с Божиею помощью, видеть скоро соединенными эти оба цвета (Дневник 1858 Ч. 1: 24).

В этой «этнографии цвета» смыкаются мотивы эстетики и политики. На полковом смотре царь и герцог будто поменялись цветами — на русском царе был кафтан «шведского» цвета, а на соискателе шведского престола — «русского». Обмен репликами показывает, с одной стороны, случайный цветовой казус, с другой — гибкость мысли и иронии, а с третьей — посвященность в общий династический замысел. Что до синего и зеленого цветов, то последующие наблюдения камер-юнкера подтвердили заданный царицей расклад: на торжестве в годовщину Полтавской битвы царь был «в том же одеянии, которое было на нем в день полтавского сражения, то есть в зеленом кафтане, с небольшими красными отворотами, поверх которых была надета простая черная португеза. На ногах у него были зеленые чулки и старые изношенные башмаки». В ненастье царь надевал зеленый кафтан «наподобие тех, которые носят моряки в дурную погоду». У Преображенского и Семеновского полков были зеленые мундиры с красными отворотами; у обер-офицеров мундиры зеленые, обложенные кругом золотым галуном (впрочем, шинели у семеновцев все же синие). «Пажи ее величества имеют зеленые мундиры с красными отворотами и золотыми галунами на всех швах, как и трубачи и валторнисты... В оркестре государыни много хороших немецких музыкантов, обязанных также носить красивые зеленые кафтаны» (Дневник 1858 Ч. 1: 50–68). В словах о предстоящем «соединении» двух цветов звучит намек на перспективу унии России и Швеции — через брак Карла Фридриха (гипотетического наследника шведской короны) и царевны Анны.

Прибытие герцога Карла Фридриха 27 июня 1721 г. в Петербург встречено салютом: когда карета его высочества «поравнялась с Почтовым домом, с Петропавловской крепости начали палить из всех пушек» (Дневник 1858 Ч. 1: 67)². 6 сентября камер-юнкер отмечает, что против дома его королевского высочества, на лугу (в то время Большом лугу, позднее названном Потешным полем, Царицыным лугом и Марсовым полем), в «нарочно сделанном для него балагане», находится Готторпский глобус. Берхгольц приводит его (часто цитируемое) описание, указывая, что внутри глобуса «ведет дверь, на которой изображен голштинский герб», а хранит его и приводит в движение «портной, родом саксонец, но долго находившийся в Шлезвиге»³. Камер-юнкер также отмечает, что, «поставленный здесь только на время, он стоит покамест нехорошо: около него нет даже галереи, бывшей при нем в Шлезвиге и представлявшей горизонт; она теперь сохраняется особо». В будущем царь Петр планирует переместить его в «большое здание на Васильевском острове», предназначенное для Кунсткамеры, и там «привести его опять в движение посредством особенного механизма, чтоб он вертелся без помощи человеческих рук, как прежде в Готторпском саду, где приводился в движение водою» (Дневник 1858 Ч. 1: 166).

Примечательно, что посещение павильона с глобусом состоялось после обеда голштинских гостей у князя Меншикова, т. е. было эхом сцены переговоров в Шлезвиге восьмилетней давности, и рассказ Берхгольца следует читать с оглядкой на 1713 г., подразумевая известный собравшимся исторический контекст:

Наши тайные советники обедали в этот день у князя Меншикова. После обеда некоторые из нас осматривали большой, находившийся в Шлезвиге глобус, который 8 лет тому назад, с согласия епископа-администратора, был привезен сюда. Говорят, он был в дороге четыре года. До Ревеля его везли водою, а оттуда в Петербург сухим путем на особо устроенной для него машине, которую тащили люди. Рассказывают также, что не только надобно было расчищать дороги и прорубать леса, потому что иначе его с машиной нельзя было провезти, но что будто при этом даже погибло и много народа (Дневник 1858 Ч. 1: 165).

Еще раз Берхгольц упомянул глобус 1 октября 1723 г.:

В полдень персидский посол осматривал Готторпский глобус, стоящий на лугу против нашего дома. Посол этот человек необыкновенно любознательный и ничего достопримечательного не оставляет здесь без внимания (Дневник 1860 Ч. 3: 227).

Здесь повторно указывается на близость глобуса к дому герцога.

Если исключить случайность, то в размещении глобуса и герцога можно различить композицию под условным названием «Петербургский Готторп». Дом для герцога был подобран по соседству с глобусом, который прибыл четырьмя годами ранее, а в 1721 г. оказался символом унии Готторпа и Петербурга, располагавшимся топографически между летним дворцом царя и домом герцога. По пространственному замыслу герцог и глобус воссоединились, но не в Шлезвиге, а в Петербурге (сцена вполне в духе царя Петра, любившего разного рода постановки — от потешных до торжественных).

Кунсткамера, центральный зал (в основании башни) которой предназначался для глобуса, в то время еще строилась; астрономическая и анатомическая коллекции располагались в разных местах: первая (глобус) — в павильоне на Большом лугу, анатомия и прочие редкости — в Кикиных палатах; за астрономией присматривал Дегио, за другими царскими коллекциями — Иоганн Шумахер. Уже тогда сокровища будущей Кунсткамеры мыслились совместно, образуя с библиотекой (в том числе из Готторпского замка) общую сферу ответственности Шумахера. Не случайно

² Дом, отведенный для его королевского высочества, «находился недалеко от царского летнего дворца, возле деревянного Почтового дома (Почтамта)», построенного в 1714 г.; позднее на этом месте возведен Мраморный дворец (Дневник 1858 Ч. 1: 46).

³ Плотник и механик Кристофер Дегио, приглашенный царем Петром сопровождать глобус в Петербург и быть его смотрителем; Дегио согласился и прослужил в этой должности до 1726 г. (Карпеев 2003: 28).

и знакомство с ним герцога, который 30 апреля 1723 г. присутствовал на свадьбе Шумахера с девицей Фельтен (кстати, посаженными отцом и матерью новобрачных были император и императрица, а герцог танцевал с цесаревной Анной менуэт, будто репетируя собственное бракосочетание). Во время празднования герцог позволил себе избыточное погружение в обрядность: не то по незнанию, не то из любознательности (мысля о предстоящей собственной свадьбе) он участвовал в танце «проводов невесты», который обычно исполняли только женатые мужчины, следовавшие затем в спальню невесты. Не исключено, что к тому времени герцог уже основательно усвоил петербургские дворцовые обычаи и не стеснялся их углубленного изучения. Вероятно, в ту ночь его не смутил и шум, поднятый на улицах столицы шутниками, разыгрывавшими пожар и отмечавшими таким образом «последнее апреля» — в то время такой же повод для шуток, как и первое апреля (Дневник 1860 Ч. 3: 91–92).

За пять лет герцог научился лавировать в бурном течении петровской дворцовой жизни с царскими экспромтами, изнурительными угощениями, возлияниями, танцами, потехами. Он застал Россию вначале торжествующей победу в Северной войне, а затем оторопевшей от смерти Отца Отечества. При чтении дневника камер-юнкера складывается впечатление, что львиная доля времени и энергии в высшем свете приходилась на трапезы и танцы (в их чередовании действительно есть способ поддержания стати), при этом изрядных усилий и ухищрений стоило выдержать градус «превосходного венгерского вина», предпочитаемого царем и, соответственно, двором.

Этнография царского двора включает обилие канонов, протоколов, ритуалов, истоки которых можно отыскать в глубине поколений и широте международных связей. Не последнюю роль в них играли и фантазии монархов и их министров, старавшихся не только сохранить традиции, но и ошеломить современников новшествами. Приглашения, одеяния, убранство карет, приветствия, поклоны, объятия, поцелуи, тон и ритм общения — неперенные характеристики всех событий. Место за столом относительно царя — рудиментарное местничество и обозначение актуального статуса (в важных случаях герцог сидел по правую руку царя, Меншиков — по левую). Черда танцев (менуэт, польский, англес и др.), выбор партнерши — при начальном выходе статусных пар (например, герцога и царицы, светлейшего князя и старшей царевны), продолжительность бала — все эти частности были предметом пристального внимания и толкования.

Особое место занимали возлияния, от которых герцог, как и его камер-юнкер, пытался (не всегда успешно) уклониться. Впрочем, со временем он приобщился к суровым русским обычаям и умело поддерживал застольное веселье. Однажды герцог превзошел по этой части даже «славного адмирала» Апраксина — на пиру в Адмиралтействе 26 мая 1723 г., после спуска на воду 54-пушечного корабля «Михаил Архангел». В тот раз императору пришлось в голову напоить герцога до состояния «пьяного немца» (Kerel d'Allemagne⁴). Царю это удалось, и к закату дня герцог усвоил русское слово «батюшка»:

Его высочество так сильно опьянел, как ему никогда в жизни еще не случилось. Мы принуждены были под конец носить его, потому что он не мог более держаться на ногах, причем у него, как и у других, несколько раз начиналась рвота. Государь... поцеловал в этот день герцога более ста раз, трепал его по плечу и прижимал к сердцу, почему его высочество под конец не иначе называл его как *батюшка* (Patuschka oder Väterchen) (Дневник 1860 Ч. 3: 107).

С января 1724 г. Карл Фридрих взялся изучать русский язык на регулярной основе, беря уроки у шведа-толмача (Дневник 1860 Ч. 4: 9), хотя в светском общении вполне хватало немецкого, французского, итальянского и шведского — петербургское общество было многоязыким. Интернациональный репертуар отмечен и в длительности визитов: короткий — «французский», затяжной — «немецкий». Но наиболее выразительной многонародностью поражали современников (и удивляют потомков) царские маскарады (в тогдашнем написании «маскерады»), которые

⁴ Букв. 'парень из Германии' (голл.).

представляли собой массовые потешные шествия в нарядах разных народов и других экзотических персонажей. Берхгольц описывает несколько маскарадов, особенно обстоятельно — первый (им виденный), по случаю окончания Северной войны.

Маскарады можно считать сердцевинной петровской царской этнографии. Занимательны их параллели с немецкими и голландскими аналогами, а также проекции на последующие знаковые «потехи» (в том числе шествия народов), но сейчас достаточно отметить их этнографическое изобилие, предполагавшее обширные великосветские знания нарядов и обрядов разных народов, религий и сословий (иначе подобные ряжения не имели бы публичного эффекта). От перечня масок в дневнике Берхгольца голова идет кругом, и я ограничусь лишь фрагментом его записей:

...все маски разом сбросили плащи, и площадь запестрела разнообразнейшими костюмами. Открылось вдруг около 1000 масок... Царь, одетый, как сказано, голландским матросом или французским крестьянином и в то же время корабельным барабанщиком, имел через плечо черную бархатную, обшитую серебром перевязь, на которой висел барабан, и исполнял свое дело превосходно. Перед ним шли три трубача, одетые арабами, с белыми повязками на головах, в белых фартуках и в костюмах, обложенных серебряным галуном, а возле него три других барабанщика... Царица, заключавшая со всеми дамами процессию, была одета голландскою или фризскою крестьянкой — в душегрейке и юбке из черного бархата, обложенных красною тафтою, в простом чепце из голландского полотна, и держала под рукою небольшую корзинку... потом остальные, переодетые пастушками, нимфами, негрityнками, монахинями, арлекинами, скарамушами; некоторые имели старинный русский костюм, испанский и другие... Одни были одеты как гамбургские бургомистры в их полном наряде из черного бархата (между ними находился и князь Меншиков); другие, именно гвардейские офицеры, — как римские воины, в размалеванных латах, в шлемах и с цветами на головах; третьи — как турки, индейцы, испанцы (в их числе был крещеный жид и шут царя Ла-Коста), персияне, китайцы, епископы, прелаты, каноники, аббаты, капуцины, доминиканцы, иезуиты; некоторые, как государственные министры, в шелковых мантиях и больших париках, или как венецианские *pobili*; наконец многие были наряжены жидами (здешние купцы), корабельщиками, рудокопами и другими ремесленниками... Его королевское высочество, наш герцог, был со своею группою в costume французских виноградарей, в шелковых фуфайках и панталонах разных цветов, красиво обложенных лентами. Шляпы у них были обтянуты тафтою и обвиты вокруг тульи лозами с виноградными кистями из воска. Его высочество, в costume розового цвета, шел один впереди, отличаясь от своей группы тем, что имел под тафтяной фуфайкой короткий парчовый камзол, входивший в панталоны, и что вместо шнурков и лент платье его было обшито серебряным галуном. Кроме того, он держал в руке виноградный серп (Дневник 1858 Ч. 1: 170–172).

Длившиеся неделями маскарады, а также пышные свадьбы привлекали повышенное внимание герцога и его камер-юнкера⁵. Завершился этот цикл описанием свадьбы самого Карла Филиппа на цесаревне Анне, которая состоялась 16 (21) мая 1725 г. В свадебной символике заметны голштинские знаки: Карл Фридрих начинает объезд на голштинской яхте; за его каретой следуют голштинские министры; в зале Летнего дворца выставлены балдахины: на стороне невесты — с гербом и короной Российской империи, на стороне жениха — с гербом «его королевского высочества герцога голштейно-готторпского» (Дневник 1860 Ч. 4: 149, 152, 187).

⁵ Этнографическая пылливость Берхгольца сопровождалась коллекционированием рисунков: в фондах Шведского национального музея недавно обнаружена собранная (с высокой долей вероятности) им коллекция из двухсот с лишним изображений «лиц России» 1730–1740-х гг., в том числе народов Прибалтики, Украины, священнослужителей, чиновников, торговцев, ремесленников, крестьян, стрельцов. Вероятнее всего, эти рисунки были копиями материалов академика Миллера и других участников Второй Камчатской экспедиции. Целью сбора могло быть наглядное обучение юного герцога Карла Петера Ульриха, коего он наставлял в знаниях России (Knight, Kasinec 2021: 88–94), но это уже тема следующего раздела.

Брак Карла Фридриха и Анны Петровны предусматривал поддержку российским императором претензий герцога на Готторп, а также, при определенных обстоятельствах, на шведскую корону и российский престол. Горизонт перспектив казался бескрайним, но реальность обернулась унылым ожиданием. После свадьбы герцог оставался в Петербурге и, пользуясь благосклонностью императрицы, пытался оказать давление на Данию: к берегам Ютландии отправилась была русская эскадра, но ей предупредительно преградил ход объединенный флот Британии и Дании.

После интронизации Петра II Карл Фридрих и Анна Петровна в 1727 г. уехали из Петербурга, расставшись с надеждой занять российский престол или вернуть с опорой на него свои готторпские владения в Шлезвиге. Они разместились в голштинском Киле, где у них в 1728 г. родился сын Карл Петер Ульрих. Вскоре Анна умерла, и герцог Карл Фридрих воспитывал сына в настроении реванша — возвращения отнятых датчанами готторпских владений, с надеждой на содействие России либо Швеции.

ГОТТОРПСКИЕ СТРАННИКИ

«Готторпским вопросом» (*gottorfische Frage*) в политической истории называют затянувшийся в середине XVI в. узел противоречий и взаимных претензий датских королей и готторпских герцогов на владения в пограничье Шлезвига и Гольштейна (при этом обе династии имели общий корень в графском, позднее герцогском и королевском Ольденбургском доме — *Haus Oldenburg*). В ходе Северной войны датчане одолели, и Готторп отошел под их власть. Готторпский герцог Карл Фридрих оказался скитальцем — то при шведском дворе, то при российском, то на окраине Голштинии в прибрежном Киле. Обладая статусом «королевского высочества», он был лишен королевства. В Петербурге возник, с позволения сказать, «готторпский двор в изгнании». При этом всю жизнь герцог вынашивал планы реванша — возвращения Готторпа.

Сын Карла Фридриха, принц Карл Петер Ульрих, росший без русской матери, унаследовал отцовскую мечту о Готторпе и надежду на помощь извне: по родительскому брачному договору, заключенному еще при Петре I, он имел право на российский престол, а также сохранял виды на шведскую корону. После смерти отца (в 1739 г.) он откликнулся на призыв тетки — русской императрицы Елизаветы Петровны — и в 1741 г. приехал в Петербург в статусе наследника престола — юный готторпский герцог стал российским цесаревичем под опекой императрицы Елизаветы. По достижении совершеннолетия в 1745 г. он обрел статус герцога Гольштейна, однако остался в России (в Голштинии от его имени правил штатгальтер, дядя по отцу Фридрих Август). Герцог принял православие, став великим князем Петром Федоровичем, и по воле Елизаветы женился на своей кузине Софии Фредерике Августе, принцессе княжества Анхальт-Цербст. Кстати, его гидом по России был тот же Вильгельм Берхгольц (в ту пору уже обер-камергер), который сопровождал его отца в 1721–1727 гг., а затем, в 1730-е гг., служил комендантом Кильского замка.

По свидетельству академика Якоба Штелина, обучение наследника престола в Петербурге проходило в академической библиотеке и Кунсткамере, причем математическую географию и историю государств он изучал «по глобусу» (Записки Штелина 1866: 78)⁶. В императорском кабинете было в ту пору больше десятка глобусов, но, должно быть, чудо-глобус из овечьего семейными преданиями Готторпа заслуживал особого внимания. До катастрофического пожара оставалось еще четыре года, и герцог видел глобус в оригинальной раскраске и с обозначениями, которые были нанесены готторпскими мастерами еще при Фридрихе III, когда Готторп был столицей независимого герцогства. В этом смысле карта на глобусе была одновременно воспоминанием и мечтой.

⁶ По отзывам современников, при общей рассеянности юный герцог увлекался визуальными образами — рисунками, картами, макетами (Knight, Kasinec 2021: 91).

История России и Европы могла сложиться иначе, если бы Карл Петер Ульрих действительно превратился в Петра Федоровича. Однако этого не случилось: герцог до конца своих дней оставался «истинным голштинцем». Еще до интронизации, в 1754 г. он вызвал из Голштинии в Ораниенбаум роту солдат с офицерами и сам ходил в голштинском мундире. Желая достойно отблагодарить Растрелли за новый Зимний дворец, он вручил ему не российскую награду и деньги, а голштинский орден (Записки Штелина 1866: 91, 105).

Сразу после прихода к власти Петр III пригласил в Петербург голштинских родственников: принцы Георг Людвиг и Петр Август Фридрих были объявлены фельдмаршалами и членами Императорского совета; к тому же первый (дядя императора) наделен титулом «высочества», второй назначен губернатором Петербурга. Спешные распоряжения Петра III были нацелены на «отмщение Дании за обиды» и войну с ней за Шлезвиг: еще до восшествия на престол он в узком кругу рассуждал о том, что отправит короля Фредерика V в колонию Транкебар в Индии или даст ему имение в российской Лифляндии, а сам сядет на датский престол. Однажды за ужином у фельдмаршала Алексея Разумовского он резко высказался о датчанах в присутствии датского посланника графа Гакстгаузена: «Они довольно долго пользовались от моей Голштинии, теперь я хочу от них попользоваться» (Записки Штелина 1866: 100–101; Возгрин 2008: 65–68).

Кульминация «готторпской мечты» совпала с провозглашением Петра III императором России. Вступив на престол 5 января 1762 г., он все 186 дней своего правления потратил на решение «готторпского вопроса», махнув рукой даже на коронацию. Он принялся готовить поход на Данию, намереваясь разгромить ее в союзе с Пруссией. Непопулярные распоряжения и действия Петра III вызваны теми же мотивами: неожиданная остановка русских войск у ворот Берлина и скоропалительный мир, прервавший Семилетнюю русско-прусскую войну, связаны не с избыточным пруссофильством и чрезмерной симпатией к прусскому королю Фридриху II, а с трезвым расчетом на его помощь в разгроме Дании и возврате Шлезвига (с Готторпом).

Парадокс правления герцога-императора состоял в том, что он использовал мощь империи для готторпского реванша, пойдя на риск из преданности Голштинии. По существу, его свергли как голштинца на чуждом ему российском троне. Когда в 4 утра 29 июня 1762 г. лейтенант Алексей Орлов с гусарским полком Милорадовича прибыл в Петергоф, а затем в Ораниенбаум для ареста императора, ему оставалось просто разоружить голштинских солдат (Записки Штелина 1866: 108).

Между тем «готторпский вопрос», будораживший европейскую дипломатию весь век, в очередной раз окончательно решался — по схеме обмена владениями, которую еще в 1719 г. предложил датский король Фредерик IV: герцогская доля Шлезвига (включая Готторпский замок) уходит Дании, а датские владения — графства Ольденбург и Дельменхорст — младшей линии гольштейн-готторпских герцогов (Hübner 1984; Возгрин 2008). 25 апреля 1759 г. в Копенгагене был заключен *Definitivtraktat* («окончательный договор»), по которому шлезвиг-голштинский герцог Адольф Фредерик (он же наследник шведского престола) отказался от Шлезвига в пользу датского короля Фредерика V за 200 тыс. талеров (Возгрин 2008: 60–61). Еще одно окончательное решение «готторпского вопроса» последовало при участии Екатерины II, хотя подпись под Царскосельским трактатом 1773 г. поставила не она, а ее сын — гольштейн-готторпский герцог Павел Петрович, будущий император Павел I. По этому трактату Шлезвиг-Гольштейн целиком вошел в состав Дании, а графства Ольденбург и Дельменхорст достались Павлу, который четыре года спустя подарил их Фридриху Августу Ольденбургскому, дяде Екатерины II. Впрочем, на этом казус Шлезвиг-Гольштейна не разрешился и герцогство еще долго оставалось яблоком раздора европейской политики⁷.

⁷ 9 сентября 1806 г. было вновь официально объявлено о присоединении Гольштейна к Датскому королевству. В 1815 г. на Венском конгрессе Гольштейн был оставлен в датском владении, но признан членом Германского союза. В 1864 г. вспыхнула 2-я Шлезвигская война, после которой герцогство было поделено на прусский Шлезвиг и австрийский Гольштейн. После Германской войны 1866 г. Гольштейн отошел к Пруссии, в 1868 г. вместе со Шлезвигом стал германской провинцией Шлезвиг-Гольштейн. В 1920 г. по результатам плебисцита часть Шлезвига отошла к Дании; в 1937 г. к Шлезвиг-Гольштейну присоединен Любек. С 1947 г. Шлезвиг-Гольштейн — федеральная земля Германии.

Иногда речь заходит о небрежении Екатерины II к Готторпу. На самом деле она тоже (по материнской линии) происходила из Гольштейн-Готторпов, имея общего с мужем прадеда — герцога Христиана Альбрехта Гольштейн-Готторпского (того самого, который отметил себя как завершителя создания Готторпского глобуса). И все же в ее персональной «этничности» материнская генеалогия уступала по значимости как отцовской (ангальт-саксонской), так и благоприобретенной российской — во многом «по любви» к ярким представителям русского народа — Сергею Салтыкову, Григорию Орлову, Григорию Потемкину, Платону Зубову и др.

В замысловатом сплетении генеалогий и матримониальных стратегий произошло плавное слияние династий Готторпов и Романовых. Родоначальником смешанной династии считают то Петра III, то Павла I. В российской генеалогии ее предпочитают называть Романовыми⁸, тогда как в зарубежных родословиях, например в «Готском альманахе», потомки Петра III на российском престоле значатся Гольштейн-Готторп-Романовыми — Holstein-Gottorp-Romanow, или, с 1892 г., Romanow-Holstein-Gottorp (Родословная... 1906: 3–25; Almanach de Gotha 1939: 108).

«Деликатный династический вопрос» (Мосолов 1938: 31) бросил тень и на Готторпский глобус, тем более что обе истории совпали по времени и месту: синхронно с обострением «готторпского вопроса» шла реставрация Готторпского глобуса после пожара, и петербургский академик Штелин следил как за воспитанием наследника престола Петра III, так и за восстановлением глобуса. Примечателен факт: сложные работы по воссозданию общей конструкции и механизма глобуса адмиралтейский мастер Бенджамин Скотт завершил, как и обязался, за четыре года, к лету 1750 г. (после чего скоропостижно скончался), а, казалось бы, куда менее сложная картография на внешней (земной) поверхности сильно затянулась: «К 1766 г. было нанесено около одной трети карты, а с 1766 по 1775 г. работа была вовсе приостановлена... в Академии наук интерес к глобусу сильнейшим образом ослаб» (Карпеев 2003: 51). Думаю, эта задержка связана не с ослаблением интереса или нехваткой красок, а с неопределенностью тех самых границ, которые два готторпских герцога на российском троне — Петр и Павел — стремились (каждый по-своему) перекроить. Готторпский глобус оказался зеркалом «готторпского вопроса», заодно оттенив наглядность карты, которая легко разоблачает завуалированную хитросплетениями слов дипломатию.

«Готторпский парадокс» состоял еще и в том, что его фигуранты — герцоги и глобус — звались готторпскими, но не пребывали в Готторпе; а те, что в первые годы там были (Фридрих III и глобус), вскоре отбыли. Пути «готторпских странников» пересекались главным образом в Петербурге, но и здесь эпизоды их пребывания больше напоминают зигзаги обстоятельств, чем стабильные резиденции. Наш главный герой — глобус — в своих скитаниях заслужил сравнение с Колобком⁹: он не только вращался вокруг своей оси, но и катался по Европе и Петербургу: «то он от Фридриха ушел, то он от Сталина ушел». Глобус-бродяга менял пристанища с десятков раз. Последний крутой вираж случился в годы Великой Отечественной войны, когда он, прозябавший в Царском Селе, стал добычей немцев, которые спешно вывезли его на историческую родину, построив для транспортировки железнодорожную ветку, но тут грянула Победа, и глобус повезли назад — из Шлезвига в Любек, затем в Гамбург, Мурманск и Ленинград. Тут его выгрузили у входа в Эрмитаж, директор которого, Иосиф Орбели, вызвался его приютить — дескать, потолки во дворце высокие, экспонат поместится. Однако президент Академии наук Сергей Вавилов решил иначе — вернуть глобус в Кунсткамеру.

Еще один поворот в судьбе глобуса случился в резонансе двух обстоятельств, разделенных двумя веками: реконструкции после пожара 1747 г. и реституции 1947 г. По двум мотивам, музей-

⁸ Императорскую семью стали официально и публично именовать Домом Романовых после празднования 300-летия в 1913 г., т. е. за четыре года до свержения династии. Прежде великих князей и царей по фамилии не звали, т. е. у них были не фамилии, а имена, отчества и прозвания (вроде Темный, Грозный, Тишайший, Великий).

⁹ Колобок, да не тот: увлекательные приключения немецкого глобуса // Русское географическое общество: [сообщество «ВКонтакте»]. URL: <https://vk.com/@rgoclub-kolobok-da-ne-tot-uvlekatelnye-priklucheniya-nemeckogo-globu> (дата обращения: 01.02.2026).

ному и идеологическому, его переименовали в Большой академический глобус. Первый довод состоял в том, что глобус — вовсе не тот, что был привезен из Готторпского замка; тот-де сгорел в пожаре 1747 г. Второй мотив имел целью «перехват приоритетов» на гребне послевоенных антигерманских настроений: историографы взялись утверждать, что восстановленный глобус — дело рук не Олеария и Буша, а русского мастера Ф. Н. Тирютина. Оба довода не лишены оснований: в восстановлении глобуса принимали участие и сестрорецкие литейщики, и петербургские художники, и отечественные академики (в том числе Ломоносов), и василеостровские грузчики. И все же это не повод «перекрещивать» глобус из Готторпского в Большой академический. Во-первых, в 1747 г. глобус сгорел не весь — уцелела его несущая ось с металлическим механизмом; во-вторых, Академия наук располагала детальным описанием его устройства, по которому мастер Скотт воссоздал глобус точно в срок (четыре года) и в облике подлинника; в-третьих, и это главное, осталась невредима идея гигантского глобуса-планетария (идеи не горят).

За без малого четырехсотлетнюю историю глобус, как снежный ком, «намотал» на себя множество историй, среди которых особенно значимы космическая и династическая. Последняя, скрытая от глаз обычных наблюдателей, не ускользает от внимания венценосных посетителей, не упускающих случая поближе разглядеть «готторпское чудо»: в 1777 г. его осмотрел шведский король Густав III, в 1780 г. — наследник престола Павел Петрович с супругой Марией Федоровной и ее братом, в 1796 г. — шведский король Густав IV (жених великой княжны Александры Павловны), в 1810 г. — Александр I с женой Елизаветой Алексеевной (Карпеев 2003: 52). Все они — в той или иной мере готторпские.

* * *

Нужна ли науке царская этнография или достаточно крестьянской и мещанской? Не сопоставимо ли изучение народа без царя с исследованием климата по почве, без взгляда в небо? Именно монарший двор в России, как и в других странах, был генератором, хранителем и распространителем традиций. Здесь начиналось многое из того, что затем скатывалось сверху вниз по иерархической пирамиде и оседало в слоях мещанства и крестьянства (в меньшей степени духовенства, обладавшего определенным иммунитетом относительно «традиций»). Именно монаршие дворы были полигонами моды, форумами зарождения и обсуждения идей, испытания изобретений, освящения ценностей и утверждения приоритетов.

Б. Андерсон полагает, что у монархов до принт-капитализма место этничности (национальности) занимала династическая идентичность (Андерсон 2001: 105). На самом деле монархическая этничность выражалась в приверженности родовым гнездам, предковым устоям и обычаям. Рассмотренные эпизоды истории и этнографии рассеивают туман относительно идентичности у величеств и высочеств. Наши персонажи выглядят стойкими приверженцами этнической идеи фикс — готторпской самобытности (возвращения в Готторп, реванша). Оба герцога — Карл Фридрих и Карл Петер Ульрих — имели в Российской империи и Шведском королевстве сопоставимо больше власти и ресурсов, чем в маленьком герцогстве на перешейке Ютландии, и все же Готторп неизменно был для них мал, но мил. На алтарь родового замка они принесли в жертву свои судьбы и имперские интересы. Фиаско Петра III — плата за голштинскую этничность.

В отличие от своего непрямого потомка, Петр I не был пленником родового гнезда, хотя прочно стоял своими длинными ногами на родной земле, вернее, мерил ее от моря до моря. Его этничность, точнее полиэтничность, сложнее локального «голштинизма» или «москвизма»; он творил новую Россию из разных народов и культур (пестрящих в его этнографических маскарадах), создавая многонародную империю россиян (это слово вошло в обиход именно при Петре, взамен «московитов» прежних лет). Петр являет собой главного героя царской этнографии XVIII в. — креативного монарха, генератора идей, преобразователя нравов и обычаев. Он создал Россию

россиян, выступив в амплуа конструктора этничности (которого так часто недостает теоретикам конструктивизма). В репертуарах Петра I и Петра III царская этнография (и этничность) разная, и в них просматривается персональный «этнографический профиль» каждого из монархов.

Какое отношение к царю Петру и его державе имеет Готторпский глобус? Прямое, хотя и многоступенчатое: с него началась «палата диких» Кунсткамера, с которой началась Академия наук, с которой началась наука, в лоне которой родилась самая российская из наук — этнография, а также национальная идея России как многонародной страны. Этот парафраз на тему «Дом, который построил Петр» удобен для отслеживания цепи новаций–традиций, базовых для царской этнографии. Кроме того, глобус несет на себе печать генеалогической этничности, от готторпского герба на люке до символики германо-русского Дома Голштейн-Готторп-Романовых. Этот огромный шар — символ династических связей, предопределивших судьбу империи. Эхо «готторпской этничности» не раз отзывалось в имперской истории и царской этнографии. Например, убежденный русофил Александр III, услышав о том, что настоящим отцом Павла I был не Петр III, а придворный красавец Сергей Салтыков, перекрестился и выдохнул: «Слава богу, мы русские!» Позднее, услышав опровержение, снова перекрестился: «Слава богу, мы законные!» (Володихин и др. 1998: 46). В 2003 г., на пике потепления германо-российских отношений, Готторпский замок как символ исторических связей России и Германии был избран местом встречи президента В. Путина и канцлера Г. Шрёдера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с. (Малая серия *Conditio Humana* в серии «Публикации Центра фундаментальной социологии»).

Возгрин В. Е. Судьба шлезвиг-гольштейнского наследия российских императоров // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени СПбГУ. 2008. № 2. С. 60–76.

Володихин Д. М., Елисеева О. И., Олейников Д. И. История России в мелкий горошек. М.: Мануфактура; Единство, 1998. 246 с.

Вольтер. История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России / пер. с фр. Д. Соловьева. СПб.: Лимбус Пресс, 1999. 304 с.

Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам: в 15 т. М.: Тип. Н. Степанова, 1838. Т. 5. 602 с.

Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 592 с.

Головнёв А. В. Петр I и начала наук в России // Кунсткамера. 2024а. № 1 (23). С. 6–23.

Головнёв А. В. Академия и Кунсткамера: первые опыты самопознания империи // Вестник Российской академии наук. 2024б. Т. 94, № 5. С. 420–428.

Головнёв А. В. Петр I и первые экспедиции (очерк антропологии путешествия) // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2024с. Т. 44. С. 26–52.

Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого: 1721–1725: в 4 ч. / пер. с нем. И. Ф. Аммона. 2-е изд. М.: Тип. Каткова и К°, 1858. Ч. 1: 1721-й год. 275 с.; М.: Тип. Лазаревского ин-та, 1860. Ч. 3: 1723-й год. 292 с.; Ч. 4: 1724-й и 1725-й годы. 242 с.

Записки Штелина о Петре Третьем, императоре всероссийском // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М.: Университетская тип. (Катков и К°), 1866. Кн. 4. С. 67–118.

Итс Р. Ф. Кунсткамера. 2-е изд., перераб. и доп. Л.: Лениздат, 1980. 135 с. (Туристу о Ленинграде).

Карпеев Э. П. Большой Готторпский глобус. СПб.: МАЭ РАН, 2003. 92 с.

Мосолов А. А. При дворе императора. Рига: Филин, 1938. 230 с.

Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1637 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием / пер. с нем. П. Барсов. М.: О-во истории и древностей российских при Московском ун-те, 1870. 1174 с. Родословная книга всероссийского дворянства / сост. В. Дурасов. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1906. Ч. 1. 334 с.

Соловьёв С. М. Сочинения: в 18 кн. М.: Мысль, 1993. Кн. 9: История России с древнейших времен, т. 17–18. 671 с.

Хёйзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. В. В. Ошиса. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. 464 с.

Штелин Я. Анекдоты о императоре Петре Великом, слышанные от разных знатных особ и собранные действительным статским советником Яковом Штелиным. М.: Тип. Компании типографической, 1788. 429 с.

Almanach de Gotha. Annuaire genealogique, diplomatique et statistique. Gotha: Justus Perthes, 1939. 1408 p.

Hübner E. Staatspolitik und Familieninteresse. Die gottorfische Frage in der russischen Außenpolitik 1741–1773. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1984. 297 S. (Quellen und Forschungen zur Geschichte Schleswig-Holsteins; Bd. 83).

Knight N., Kasinec E. Faces of Russia's Empire. The Bergholtz Collection of Ethnographic Images from the early 18th Century at the Swedish National Museum // *Baltic Worlds*. 2021. No. 1–2. P. 86–97.

Oestmann G. Ein unbekannter Brief des Adam Olearius Über den Bau des Gottorfer Globus // *Nordelbingen: Beiträge zur Kunst- und Kulturgeschichte Schleswig-Holsteins*. 1999. Bd. 68. S. 39–43.

REFERENCES

Almanach de Gotha. Annuaire genealogique, diplomatique et statistique. Gotha: Justus Perthes, 1939, 1408 p. (In French).

Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma* [Imagined communities: reflections on the origins and spread of nationalism.]. Moscow: Kanon-press-TS Publ.; Kuchkovo pole Publ., 2001, 288 p. (In Russian).

Golovnev A. V. *Fenomen kolonizatsii* [The phenomenon of colonization]. Yekaterinburg: UrO RAN Publ., 2015, 592 p. (In Russian).

Golovnev A. V. [Peter I and the beginnings of science in Russia]. *Kunstkamera*, 2024a, no. 1 (23), pp. 6–23. (In Russian).

Golovnev A. V. [The Academy and the Kunstkamera: the first experiences in self-knowledge of the empire]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of sciences], 2024b, vol. 94, no. 5, pp. 420–428. (In Russian).

Golovnev A. V. [Peter the Great and first expeditions (an essay on the anthropology of travel)]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN* [Proceedings of the Institute of history, archaeology and ethnography of the Far Eastern branch of the Russian Academy of sciences], 2024c, vol. 44, pp. 26–52. (In Russian).

Hübner E. *Staatspolitik und Familieninteresse. Die gottorfische Frage in der russischen Außenpolitik 1741–1773*. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1984, 297 s. (Quellen und Forschungen zur Geschichte Schleswig-Holsteins; Bd. 83). (In German).

Huizinga J. *Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya* [Homo ludens. In the shadow of tomorrow]. Moscow: Progress Publ.; Progress-Akademiya Publ., 1992, 464 p. (In Russian).

Its R. F. *Kunstkamera*. Leningrad: Lenizdat Publ., 1980, 135 p. (In Russian).

Karpeev E. P. *Bol'shoy Gottorpskiy globus* [Great Gottorp globe]. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2003, 92 p. (In Russian).

Knight N., Kasinec E. Faces of Russia's Empire. The Bergholtz collection of ethnographic images from the early 18th century at the Swedish national museum. *Baltic Worlds*, 2021, no. 1–2, pp. 86–97. (In English).

Mosolov A. A. *Pri dvore imperatora* [At the Emperor's court]. Riga: Filin Publ., 1938, 230 p. (In Russian).

Oestmann G. *Ein unbekannter Brief des Adam Olearius Über den Bau des Gottorfer Globus*. Nordelbingen: Beiträge zur Kunst- und Kulturgeschichte Schleswig-Holsteins, 1999, bd. 68, S. 39–43. (In German).

Soloviev S. M. *Sochineniya: v 18 knigakh* [Works: in 18 books]. Moscow: Mysl' Publ., 1993, book 9: *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia from ancient times], vol. 17–18, 671 p. (In Russian).

Volodikhin D. M., Eliseeva O. I., Oleynikov D. I. *Istoriya Rossii v melkiy goroshek* [History of Russia in small polka dots]. Moscow: Manufactura Publ.; Edinstvo Publ., 1998, 246 p. (In Russian).

Voltaire. *Istoriya Karla XII, korolya Shvetsii, i Petra Velikogo, imperatora Rossii* [History of Charles XII, King of Sweden, and Peter the Great, Emperor of Russia]. St. Petersburg: Limbus Press Publ., 1999, 304 p. (In Russian).

Vozgrin V. E. [The fate of the schleswig-holstein heritage of the Russian Emperors]. *Trudy kafedry istorii Novogo i Noveyshego vremeni SPbGU* [Transactions of the department of modern and contemporary history of St. Petersburg State University], 2008, no. 2, pp. 60–76. (In Russian).

Submitted: 15.01.2026

Accepted: 25.01.2026

Published: 10.04.2026

Рис. 1. Готторпский глобус. Экспозиция МАЭ РАН. Фото А. Маковнева, 2025 г.

Fig. 1. Gottorp Globe. The MAE RAS permanent exhibition. Photo by A. Makovnev, 2025

Рис. 2. Дверца Готторпского глобуса. Дерево, бронза, краска, латунь, железо, холст, масло; столярная работа, живопись. 1654–1664. МАЭ № 7667-2. Фото А. Маковнева, 2025 г.

Fig. 2. Door of the Gottorp Globe. Wood, bronze, paint, brass, iron, canvas, oil; carpentry, painting. 1654–1664. MAE No. 7667-2. Photo by A. Makovnev, 2025

Рис. 3. Герцоги Готторпские: a — Фридрих III; b — Христиан Альбрехт; c — Фридрих IV; d — Карл Фридрих; e — Петр III (Карл Петер Ульрих); f — Павел I

Fig. 3. Dukes of Gottorp: a — Friedrich III; b — Christian Albrecht; c — Friedrich IV; d — Karl Friedrich; e — Peter III (Karl Peter Ulrich); f — Paul I

Рис. 4. Несущая ось Готторпского глобуса. Фото А. Маковнева, 2025 г.

Fig. 4. Bearing shaft of the Gottorp Globe. Photo by A. Makovnev, 2025

Рис. 5. Фрагмент небесного свода Готторпского глобуса. Фото С. Б. Шапиро

Fig. 5. Fragment of the Gottorp globe celestial vault. Photo by S. Shapiro